

Суфийский шейх Шуджа эд-Дин Вели (Султан Варлыгы) и его жизнеописание «Вилайет-наме»

Перевод со староосманского и комментарии
Ю.А. Аверьянова (Окончание. Начало в № 2(3) 2009)

Рассказ

Слушай снова предание, о юноша,
Пресвятой Султан возвестил это, не сомневайся¹.
Тот, кто отрицает эти слова святости,
Тот сам себя толкает в адское пламя.
Всевышний Бог-Истина поминает святых,
Для святого не существует страха и предосторожности.
Ибо «нет у них страха»² — как сказал Господь;
Если ты получил знания о Слове Божьем,
Теперь услышь и вести о святых,
Со сладостью которых не могут спорить ни сахар, ни мед.
Говорят, что на берегу реки Сейди³
Сидел Султан, обладатель чар (*сахиб-хюнер*),
Рядом с ним появилась толпа,
Чтобы обратиться с просьбами к этому кладу щедрости.
В тот день также пришли к Султану
Три человека, дабы пасть ниц перед его ликом.
Все трое были дервишами, индийцами⁴,
Послушай, что они сказали Султану.
Они сказали: «Если он и вправду постигший, о душа,
Пусть он даст знак с нашей родины.
Если его сила простирается над Западом и Востоком,
Пусть Хаджи⁵ даст нам знамение!»
Когда они пришли и достигли встречи с ним,

1 | Получается, что сам Султан Шуджа эд-Дин якобы возвестил о своих чудесах.

2 | В подлиннике по-арабски.

3 | Имеется в виду верхнее течение р. Сакарья, протекающей через селение Сейидгази.

4 | Связь Султана Шуджа эд-Дина с Индией и индийцами несколько раз подчеркивается в житии.

5 | До этого нигде не говорилось, что Султан Шуджа когда-либо совершал паломничество в Мекку, поэтому его наименование Хаджи в данном случае выглядит странным.

Они увидели, что он окружен народом.
Они поклонились до земли Царю:
«Выслушай, о кладезь щедрости, душевное слово!»
Эти пришедшие к нему люди свои припасы
Принесли с собой и поставили перед ним.
Если чья-то просьба не была приемлемой,
То Султан отказывался есть еду с ним, о щепетильный!
Султан в тот миг сказал людям:
«Ваши просьбы услышаны, вкушайте.
В диване Друга разлетелась весть,
Что там принимают ваши просьбы, о любимые!»
Когда Падишах⁶ изъяснил эту тайну,
Приступили к еде и войско и предводитель.
Когда же пища была съедена и трапеза окончена,
Они возблагодарили гимнами и молитвами [Творца].
Султан встал, разделся и вошел в воду,
Да слышат слушающие слова святых!
Они увидели, что Султан вошел в воду,
И каждый поспешил снять свою одежду.
В то мгновение Султан погрузился в реку,
И тогда все *ашики*, подобно морю, узрели это чудо.
Султан вдруг исчез в тот миг,
И все, старцы и юноши, были поражены.
Они увидели, что Султан не появляется,
И ничей ум не мог постичь этой тайны.
Через час они смотрят — он появился вновь,
И все дружно пропели славу [Господу].
Он держит в руке три цветка перца(?),
И, неся их, выходит и бросает их дервишам со словами:
«Вы хотели получить знак от старца,
Возьмите же от вашего пира жемчужину души!»
Они увидели просветленность Султана,
И поняли, какова сила [букв. «жизнь»] Друга [Бога].
Для святого нет разницы между близким и далеким,
Если ты правоверный, сожги в огне свое многобожие (*ширк*)!
Когда Султан сотворил это,
Подумал один человек из народа:
«Да, мы познали, что Султан — постигший,
Что его сила простирается над Западом и Востоком.
Может быть, его рука и до небес достает», —
Промелькнуло у него в сердце, но не осмелился он сказать.
Обернулся Султан, посмотрел ему в лицо,
Слушай, какой ответ он дал на его размышления.

6 | Шах, Султан, Падишах — в житиях суфийских святых — принятые наименования святого, подчеркивающие его духовную власть «в обоих мирах».

Он сказал: «Нас было три братца,
Мы были все трое на небесах.
Нас посадили в отдаленное место,
Нас спустили в Нигярчалы.
Мы, покачиваясь, пошли, о, старцы,
Один из нас был влюблен(?) и был пьян,
Наш пир же лежал плача
И просил у Всевышнего своей доли».
Так сказал тот избранный муж,
Тот Рудник святости, Царь веры.
На этом заканчивается эта речь,
Святой — наш Царь, а мы — его рабы⁷.

*Рассказ о Султане Шуджа эд-Дине Баба,
да освятит Аллах его драгоценный дух!*

Услышь же еще сладостный рассказ,
Место которого — в возвышенном рае.
Речи о святых — это пища духа,
То, что бывает открыто во вратах Истины [т. е. откровения].
В то время возлюбленный пресвятой Султан
Явным образом творил чудеса,
Несколько торговцев (*базарган*) во времена святого
Собрались совершить путешествие в Индию.
Был среди них один торговец,
Которого звали Ходжа Мехди.
Тот человек был владельцем многих товаров,
И к тому же был он очень образованным и умным.
Через какое-то время прибыли они в Индию,
Когда ехали, послушай, что с ними стало.
В море их захватила буря,
Все они плакали и стонали [от ужаса],
Ветер дул в противоположную сторону,
Их корабли отгонял в разные стороны.
Он подхватил их корабли, о достойные⁸,
И бросил их в пучину океана как игрушку (*баз*),
Когда так они разлучились друг с другом,
Они обнажили головы и зарыдали.
Ходжа Мехмед [sic! — Ю. А.] сказал, обнажив голову,
Послушай, какие слова он сказал:

7 | Обращает на себя внимание отличие данного рассказа от прозаической версии «Вилайет-наме», в которой эпизод с индийским перцем связан с Моллой Фенари, а не с дервишами из Индии, а о погружении святого пира в воду вообще ничего не говорится.

8 | Постоянные риторические обращения к слушателям соответствуют литературному этикету классической османской поэзии, в особенности принятому для повествовательных жанров.

«И на море, и на суше святые мужи
Обладают властью, если они есть.
Свою помощь окажи старцу, святой,
Ибо милость твоя [букв. «его»] велика, без числа».
Ходжа таким порядком молится,
Послушай теперь о том, что делает святой.
Они [терпящие бедствие] увидели, что вдруг какой-то человек появился,
Лицо его было закрыто зеленым покрывалом.
Повернувшись, он простер руку к кораблям,
И в тот же миг привел их к берегу.
Ходжа увидел, что корабли достигли берега,
Он обратился к Султану: «О, постигший, о, Султан,
Где мне найти тебя, о, Падишах,
Того, кто стал для нас опорой и спасением?»
Султан сказал им: «Вы нас ищите
В стране Рум, там, где Сейидгази.
Там называют нас Султан Шуджа,
Для тех, кто любит нас, нет забвения (*сила*)».
Так он сказал и исчез оттуда,
Расскажем теперь о том, что стало с теми [людьми].
Когда тот Ходжа прибыл в свою страну,
Послушай, что он тогда предпринял.
В сердце его запала любовь к святым,
Тот, кто отрицает святых, становится смутьяном.
Обездоленный, искал он способ
Найти лекарство от своей болезни.
Он собрал великих людей той страны
И рассказал им о том, что его мучит.
Он растратил все свои деньги, которые были в наличии,
Но две тысячи динаров отложил.
Он сказал: «Мне следует пойти,
И повстречаться с тем Царем, оказавшим мне услугу,
Пришло время мне увидеть его священный лик,
Пусть эти деньги будут моим обетом, пожертвованием ему».
Но он не утерпел и потратил и эти деньги,
Посмотри, что делает с людьми расточительство.
Остались у него из ценных вещей только книги,
Он отправился, чтобы посетить страну Рум.
Куда бы ни пришел он, везде спрашивал о Султানে,
Но встреченные люди лишь огорчали его душу⁹.

Задавал он вопросы знающим людям,
Но всех он ставил в затруднение (*мюльзем*)¹⁰.

9 | Букв. «были печалью души»

10 | Эти слова агиографа служат косвенным доказательством того, что Шуджа эд-Дин был не слишком известен при жизни даже в пределах Малой Азии (возможно, как и другие суфийские подвижники, он скрывал свою святость)

Наконец он предстал перед лицом Султана,
Истина каждого своего раба приводит к желаемому¹¹.

Он положил перед Султаном яблоко,
Чтобы попросить его о своей недостатке,
Он поцеловал его руки и склонился к его ногам,
И сказал: «Прости мне мою несостоятельность».
Султан сказал ему: «Детушка,
А где та тысяча монет, которые ты обещал старцу?»
Он ответил: «Я допустил оплошность, Царь,
Я знаю, что это — моя вина».
Он [Султан] сказал: «Не заботятся старцы обо всем этом,
Я дам тебе достоинство *бега* над *бегами*.
Существуют пятьдесят семь тысяч абдалов Рума,
У святых мужей такой заведен порядок,
Я делаю тебя выше их всех!»
Смотри, как назвали его величайшим из них.
Он остался при Султане служить:
Что поделать, в его руки попал истинный Возлюбленный.
К каким бы он ни приходил знатокам,
Он мучился и бывал побежден ими, о безумец.
Когда он взялся за руку этого чистого сокола (*пак баз*),
Его привели в Сосновую рощу¹².
Султан тогда бросил взгляд на землю,
Кто может постигнуть мудрость святых?
В тот миг открылись врата могущества,
И внутрь вошли они оба в тот момент.
Ходжа увидел перед собой сад, изысканный и свежий,
Много роз, повсюду страстно поют соловьи,
Еще увидел он огромный прекрасный дворец,
Превосходно построен он, знай, о любимый.
Он увидел, что внутри поставлен трон,
(Еще ты не уселся [как следует] в седле знания)¹³.
Султан в то время берет в руки писание (*мусхаф*),
И в течение часа читает молитву.
Он сказал: «Старец тоже читал, детушка,
Однако ни на кого он не нападал.
У него не речь поет, поет сострадание,
В одночасье можно стать постигшим¹⁴».

11 | Букв. «к надежде»

12 | Священный сосновый лес служит в данном рассказе вратами в иной мир (в рай). Ср. почитание леса многими реликтовыми этноконфессиональными сообществами в современной Малой Азии (тахтаджи, ак-коюнлу и др.).

13 | Это риторическое замечание обращено, по-видимому, к читателю или слушателю текста (прием, обычный в средневековой османской поэзии).

14 | Данное утверждение Шуджа эд-Дина напоминает основное положение учения чань-буддизма о «мгновенном просветлении» («учение о внезапном» — кит. *дун цзяо*). См. Маслов А.А. Письмена на воде. Первые наставники чань в Китае. М., 2000.

Снова он берет за руку [Ходжу] и выводит наружу,
 Ворота стали невидимыми, не осталось и следа от них.
 Ходжа теперь понял свою неполноценность,
 Он принес покаяние, получил свою долю (или «похвалу» — *ойюни, огюни*).
 Когда в его сердце пронеслись эти мысли,
 Он в своем [благом] намерении сказал такую речь.

Речь Ходжи

О, Эсири, если эти слова будут повторяться до дня воскресения¹⁵,
 Как же наступит Страшный суд, пока не закончены они.
 О, нырятьщик в море щедрости, Султан Баба,
 О, Султан Баба, по сравнению с которым и Хызр и Ильяс слабы.
 И вновь послушай приятный и свежий рассказ,
 Для имеющего ум эти слова послужат примером.
 Эта весть — загадка эвлия,
 Но отверженец не получит об этом известия.
 В то время Султан, рудник щедрости,
 Проявлял чудесную силу (*веляет*).
 Был великий муж, более великий, чем падишах,
 Называли его Султан Варлыгы¹⁶.
 Захотел он посетить, о, исполненный приличий,
 Мухаммед-бега, из династии Караманов¹⁷.
 Сказал принц [сын Мухаммед-бега?] своим визирям:
 «Приходите, отправимся куда-нибудь на охоту.
 Заключим удачу в наших сердцах,
 Подвигнем нашего шаха на охоту.
 Давайте каждый из нас призовет по одному святому мужу,
 Посмотрим, кому улыбнется счастье от Истины.
 У кого из нас святой-эр самый мощный,
 Самый устрашающий среди эвлия?»

15 | Эти строки по стихотворному размеру отличаются от основного текста *месневи*. Предполагаемый автор стихотворной части жития — некий Эсири, который сам называет свое имя в этой строке. В османских *тезкире* встречается автор XVI в. под псевдонимом Эсири, который долгое время был пленником (*эсир*) у христиан и потому избрал для себя такое прозвище. Этот поэт проживал на острове Агрыбоз в Эгейском море и скончался в 1591 г. (о нем сообщают авторы антологий Ашик Челеби и Хасан Челеби Кыналызаде). Если принять, что именно этот Эсири дополнил текст «Вилайет-наме», то из этого следует, что произведение получило свой современный вид во второй половине XVI в. Как и в других вилайет-наме, в этом сочинении мы не сталкиваемся ни с явными прошиитскими симпатиями, ни с осуждением власти султана, что и позволило братству бекташийа безболезненно включить его в свой «канон».

16 | Здесь повествование опять как бы начинается сначала и читателю опять представляется Султан Шуджа эд-Дин, как будто он до этого ничего не знал о нем. Это показывает, что жизнеописание Шуджи складывалось из отдельных фрагментов, не связанных друг с другом, каждый из которых существовал какое-то время в качестве самостоятельного произведения.

17 | Имеется в виду Мухаммед-бег II (ок. 1370–1423), сын Ала эд-Дина, эмир Карамана в 1402–1423 гг. (с перерывами). Будучи врагом Османской династии, он пытался противопоставить Османам государства Тимуридов и мамлюков. В 1414 г. Мухаммед-бег потерпел решающее поражение от османского войска в битве при Конье и вынужден был уступить Османам города Бейпазары, Сиврихисар, Акшехир, Ялавач, Бейшехри, Сейдишехри и фактически признать свою вассальную зависимость от османского султана (которым был в тот момент не Мурад II, а его отец Мехмед Челеби (1403–1421)). В 1423 г. Мухаммед-бег попытался со своими войсками напасть на османский порт Анталья, но во время осады города он был убит разорвавшимся снарядом. Таким образом, мы можем предположить, что в «Вилайет-наме» речь идет именно о событиях 1414 г., и Султан Шуджа эд-Дин был жив в это время.

Каждый из них призвал на помощь одного-двух святых-эров,
Источник святости для тех, кто их видит(?).
Пустил вначале своего сокола падишах [эмир Карамана],
Ах, не принес он тому мужу никакой добычи.
Пустил тогда один из визирей своего сокола,
Послушай, о, утонченный, что он тогда сделал,
Дабы его сокол теперь поохотился,
Поднял он пыль столбом до небес(?).
Тот Али Челеби, сын Тимурташа¹⁸,
Который был у бега визирем¹⁹,
И он пустил своего охотничьего сокола.
Послушай теперь, что он сотворил²⁰.
Воскликнул он: «О, Султан Шуджа, от тебя я жду помощи,
Ибо чудеса были видены без счета от тебя,
Ясно, что ты — предводитель эвлия,
Не будет обделен тот, кто последовал за тобой».
Пустил он сокола, и принес тот ему добычу,
Пришпорил он лошадь, воздавая хвалу без числа,
То место, куда он погнал коня,
Было обрывистым, и вдруг он полетел вниз,
Вскричал он: «От тебя я жду помощи, Султан Баба!»
Тотчас примчался тот подобно ветру с востока (*саба*),
На лицо он набросил зеленое покрывало,
Подхватил его [визиря] и спокойно уложил на землю.
В тот же миг он [святой] немедленно скрылся,
Послушай же, что делает падишах.
Видели все, что его визирь упал,
Сказали они [придворные]: «Жалко, разбился царский сокол»²¹.
Но увидели они, что ничего ему не стало, он жив-здоров,
Идет он, взяв руками свою добычу.
Вопросили они: «Раскрой нам эту тайну,
Кто был тот, кто поддержал тебя и опустил на землю?»
Он ответил: «Султан Шуджа, мой пир,
Мой эмир на троне святости!
Он подхватил меня и опустил на землю,
Любовь к нему поселилась в моем сердце как в собственном жилище».

18 | Али-бег, сын османского полководца Тимурташа, в 1402 г. был взят в плен Тимуром; затем он управлял в качестве *санджак-бега* бывшим княжеством Сарухан и вынужден был бежать оттуда во время восстания Торлака Кемаля (1415 г.). В 1421 г. вместе с двумя своими братьями вошел в состав военного совета нового османского султана Мурада II. В качестве визиря участвовал на стороне последнего в междоусобной войне с претендентом на османский престол — принцем Мустафой Челеби (1422 г.). Затем он снова возглавил область Сарухан с центром в Манисе (Магнезии). В 1428 г. вышел в отставку и оставался в Манисе, где он возвел пятничную мечеть. Точная дата смерти неизвестна.

19 | В прозаическом тексте «Вилайет-наме» также упоминается Али Челеби, сын Тимурташа, однако не говорится о том, что он был визирем у правителя Карамана Мухаммеда.

20 | Эти строки, похоже, повторяют то, что было сказано четырьмя строками выше (возможно, ошибка переписчика).

21 | Вероятно, придворные называли визиря Али метафорически «царским соколом».

Так поговорив, они поскакали далее,
Увидели они, что нет у них добычи.
Услышав обо всем, падишах тотчас сказал:
«Во имя Аллаха, доставь и нас к нему [к Шудже],
Да узрим мы его прекрасный лик,
Того Султана, предводителя эвлия!»
Ответил [визирь]: «Если ты увидишь его лицо,
В тот же миг ты отречешься от царской власти.
Царство твое, страна твоя придут в запустение,
Мой падишах, да будет твое величие вечным!
Но позволь мне, чтобы я пошел,
И спросил у него знамения для тебя».
Сказал [падишах]: «Иди, вот тебе мое позволение,
Узнай, какой знак даст нам тот пречистый».
Поцеловав руку, отправился тот в путь,
Хотел он взглянуть, какое знамение даст Султан.
Через какое-то время прибыл он пред очи Султана,
Стал он восхвалять Султана безгранично,
Встал он [Шуджа] и быстро пошел в сторону пропасти (*йара*),
Туда, где много и уступов и колючек,
Сказал [визирь]: «Снимите с меня мои сапоги,
Пойду и я туда вослед за Царем!»
Сняли с него [слуги] сапоги, о, деде,
Пошел и он, шагая вослед за Султаном.
Султан остановился в одном месте и замер,
Изъявил он очевидный знак своей силы,
Произнес он загадочные слова о правителе Караманоглу,
Сказал он: «Собирался он идти на охоту,
Но схватили его самого, детушка,
Только мальчонке все же смерти нет!»
Визирь получил этот знак силы,
Знал он о могуществе этого Царя.
Поцеловал он руку Султана с миром,
Понял он [или запомнил] все, что изрек Султан.
Вернулся он к падишаху, передал ему слово в слово,
Все то, что сказал загадочными словами Султан.
В то время [враги], заключив союз,
Напали на того правителя Караманоглу,
Возгласили люди Мухаммед-бега:
«Нашло на нас войско Османов!
Нет у тебя силы, дабы противостоять ему,
Чтобы встретиться с ним лицом к лицу.
Лучше нам пойти и поклониться,
Принять его и подчиниться ему».
Он же [падишах], послушавшись вельмож своих,
Последовал тому, что они сказали.

Выступили они из крепости Акшехир²²,
Поцеловали они руку [османскому] падишаху, покорились.
Падишаху все это пришлось по душе,
В тот час он повелел Караманоглу:
«Кто своими ногами приходит, того не казнят,
Иди, — сказал он ему, — я тебя освобождаю!
Совершай же добро в согласии со своим сердцем,
Не проявляй неповиновения (укук) в отношении нашего Бога,
о, спорщик (фузуль)!»²³.
После таковых речей заключили они мир,
Смотри же, каков был знак эвлия.
Отправился тот [правитель Карамана] в путь вместе со свитой,
Прибыли они радостные в Мюските (?) (букв. «Место молчания»).
Так сбылось это чудесное предсказание,
Воздадим же славу душе Мухаммеда.
Услышь же вновь об этой святости,
Того, кто внемлет этим словам, ожидает счастье,
Каждый, кто выслушает эти слова силы,
Пусть отречется от своего существования.
Тот, кто преодолел себя самого [перешагнул через себя самого],
обрел душу,
Тот, кто отдал жизнь ради Друга, тот станет тысячью душ,
Пойми эти слова, ибо они — основа,
Говорит Пророк: «Умри раньше смерти своей»,
Послушай об этих тайнах, о, муж веры!
Пресвятой Султан, предводитель эренов
Совершал многие чудеса,
Тот человек Божий, чудотворец.
В городе Энгури [Анкара] однажды, о, друг,
Как вы слышали, был вождь по имени Хаджи Байрам²⁴.
Святой-эвлиа бросил на него свой взгляд,
Оттого и стал он столь почтенным.
Сказал он: «Желание наше таково,
Пойдем, повидаем Султана Шуджу,
Поцелуем ему руку, совершим поклон,
Попросим у него для себя сына, смуглого и проворного (маз)
Да случится так, что он исполнит нашу просьбу,
Он — обладатель истинного зрения, ничто от него не скрыто».

22 | Акшехир — город в 130 км к западу от Коньи, на берегу озера Акшехир.

23 | Из этих слов османского султана можно понять, что правитель Карамана до этого уклонялся от правоверного исповедания. Из источников известно, что в княжестве Караман проживала многочисленная община турок — православных христиан (так наз. караманлы), которая существует и в наши дни. На землях этого государства также жило немалое количество греков (йунан) и армян.

24 | Хаджи Байрам Вели (ум. 1429) — анатолийский святой-суфий, основатель братства байрамииа (умеренно суннитского толка). Проповедовал в городе Анкаре и окрестностях, первоначально распространял учение братства хальватийа. Он запретил своим сторонникам совершать публичный зикр и показывать свою набожность перед людьми. Похоронен в Анкаре за развалинами античного храма Ромула и Августа. Об общении его с Шуджа эд-Дином другие источники не сообщают.

Сказали мюриды шейху: «Как жаль,
Вы человек шариата, слова ваши благочестивы,
Как можно вам целовать человека, чьи брови и ресницы выщипаны!
Если вы сделаете это дело, сие не будет одобряемо».
Хаджи Байрам продолжал настаивать,
Сказал он: «От Истины было нам откровение.
Если будете смотреть на святого человека такими глазами,
Душу свою предадите адскому пламени!»
Был у него один послушник из Эскишехира,
Сказал он в тот час оному послушнику:
«Проводи ты нас к святому-эру,
Пойдем мы преклоним голову перед тем Царем».
Было у него [Хаджи Байрама] около двух сотен мюридов,
Отправился он в путь вместе с ними.
Разговаривали между собой некоторые из его мюридов,
Сказали они: «Безумец, как там можно ночевать,
Откуда взять нам съестное?»
Так они переговаривались друг с другом.
Стало известным Султану все это,
Смотри, как проявилась его святость.
Султан в тот же миг встал и пошел,
Двинулся он по пути, по которому и они шли,
И там, где садился пресвятой Султан,
Там собирались и яства из невидимого мира,
Поступали они с кухни Силы без числа,
Не было берегов у моря даров.
Сказал он [Султан] абдалам: «Встаньте, детушки,
Сложите эти припасы туда-сюда».
Сложили они в одно место лепешки, в другое — жареное мясо,
И все прочее, что там имелось из припасов.
Потом он [Шуджа] встал и пошел в иное место,
Смотри, какую загадку он загадал.
Хаджи Байрам как раз в тот самый час
Прибыл туда, и дервиши вслед за ним,
Сошел он с мула и пошел пешком,
Был он *ашиком*, нет в этом сомнений.
Когда узрел он избранника Божьего,
Послушай, о тот, чья вера чиста, что за тайное деяние тот сотворил.
У одного [из мюридов] потекла вдруг кровь.
Сказал Хаджи Байрам дервишам: «О, гордецы (*мерахан*)!»
Воззвал он к дервишам: «Воспойте хором духовный гимн (*гюльбанг*),
Ибо просьба наша принята, знайте!»
Когда дервиши увидели пищу(?),
Они стали спрашивать: «Что это за загадка?»
Сказал им [Хаджи Байрам]: «Тот человек такую тайну сотворил,
Это — трава, корм, вы же — не люди, а животные,

В сердце своем вы помыслили нечто подобное,
Такого тайного знамения не видал еще взор!»
Оттуда пошли они к Султану Баба,
Приложились к его руке, поклонились ему,
Сказал [своим] дервишам Султан следующее:
«Подойдите к ним и возьмите их за руки,
Держите за руки каждого из них.
Пусть станет здесь явной тайна истины,
Каждый, кто в то озеро Единства не нырнул,
Не познал, что есть жемчужина смысла».
Каждый из них уселся возле дверей,
Хаджи же стоял пред глазами Султана.
Оторвал Султан кость от вареного мяса (*сегюш*),
Бросил взгляд в сторону Хаджи Байрама,
Протянул ему кость и трижды сказал:
«Ибрахим вернется от Друга²⁵».
С пресвятым Султаном на языке откровения
Беседуя так, Хаджи Байрам
Три дня и три ночи провел в разговорах,
Погрузился глубоко в море смыслов.
На третий день, поцеловав его руку,
Отправился он в свою землю.
Через положенное время родился мальчик,
Чье лицо было полно светом, имя же ему нарекли — Ибрахим,
Так загадка [Султана] стала явной.
Оставь лицемерие, пробудись от сна невежества,
Предай свою душу святым-эвлия,
Займи свое место в согласии с благим уставом.
Закончилась с благодарностью и эта речь,
Тысячу раз хвала пречистому духу Мухаммеда!
И новая глава началась о той святости,
Если ты выслушаешь, познаешь много смыслов, без числа.
Если хочешь, чтобы в каждом слове был смысл,
Нужно, чтобы слова эти произносили своими устами постигшие,
Стоит услышать тебе эти слова, о счастливый.
В Кырккаваке²⁶ меж тем пресвятой Султан
Сидел вместе с несколькими абдалами,
Разговаривали они на языке откровения.
Вдруг встал тот утонченный, что прежде сидел.
Смотри, что делает избранник Божий.
Взяв свой посох, поднялся он в небо,
Скрылся он из глаз, окутанный облаком,
Через час увидели они [дервиши], что он появился

25 | Подразумевается пророк Ибрахим, которому Бог даровал сыновей уже в преклонных летах.

26 | Букв. «Сорок тополей».

И держит в руках зеленоватое крыло птицы.
Опираясь на посох, вручил он свой груз одному [из дервишей],
И вновь опустился на землю тот сокровенный.
Когда Юнли Самуд увидел те перья (крыло),
Попросил он: «Султан мой, дай мне эти перья».
Стал он умолять Царя без слов,
Дабы отдали ему то оперение, о, горделивый.
Возложил он [Шуджа] ему на голову [крыло] и указал ему его место,
Сказал он: «Знай, эти перья у тебя заберут».
Если в руки Самуда попадали какие-либо перья или шерсть,
Он начинал их распахивать повсюду(?)²⁷.
В то время он вышел и спустился в Рум,
Да будет разъяснен смысл этого деяния, о, счастливый.
Он оставил народ Рума, отправился в путь,
Подошел он наконец к Сиврихисару²⁸,
Собрались люди из Сейдгази,
Среди них были и старшины.
Сказали они: «Пойдем-ка к Султану Баба,
Поцелуем ему руку и взмолимся,
Скажем ему, что надвигается на нас Тимур-Камень (*Тимур-сенг* вместо
Тимур-ленг?),
Спросим: что ты нам посоветуешь сделать?»
Султан в тот час прогуливался по горам,
Придя, стали они умолять того предводителя,
Сказали: «Вот каково наше положение,
О, величайший наш, возлюбленный святых-эвлия,
Что нам делать, бежать или оставаться?
Вот приближается беспощадный Чагатай²⁹».
[Шуджа] сказал: «Идите, старец вас на месте оставляет!»
Радостно они головы преклонили к земле,
Сказали они: «Наша просьба исполнена,
Хороший знак нам дал Султан Баба».
И отправились они обрадованные в путь.
Смотри же на загадочные деяния Султана.
Было у Султана три послушника по имени Самуд,
Один из них — Юнли, другой — Зинджирли Самуд (букв. «Самуд в цепях»),
Третьего же называли Черный Самуд.
Сказал тогда Султан этим Самудам:
«Поднимайтесь, идите навстречу тому мужу (Тимуру),
Пусть не входит он в нашу страну,
Пусть не сгоняет со своих мест наших приверженцев!»

27 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено. Здесь делается попытка объяснить прозвище Самуда, так как Юнли означает «Шерстяной», «С шерстью».

28 | Сиврихисар — небольшой город, расположенный в долине р. Сакарья, у подножия горы Арайит, на полпути между Эскишехиром и Анкарой. Вблизи него находятся развалины древнего (фригийского) города Пессинунт.

29 | Государство Тимура по-прежнему официально называлось Чагатайским по имени династии монгольских ханов-Чагатаидов, потомков Чагатая, сына Чингисхана, регентом при которых считался Тимур.

Встали Самуды и пошли в дорогу,
Слушайте же, о, чистейшие, какова тайна!
Время прошло, и достигли они [Тимура],
Заговорил с ним каждый из них загадками.
Объявили они: «Не вступай в нашу страну,
Не причиняй вреда нашим возлюбленным».
Повернулся Тимур, обратился к ним,
Сказал: «Выражайтесь яснее,
Скажите яснее, а мы вас послушаем
И узнаем к тому же, откуда ваш путь к нам».
Увидел Юнли Самуд, что отступить некуда,
Воскликнул: «Имя нашего пира — Султан,
Этот муж послал нас к тебе,
Он сказал: пусть не вступает в нашу землю».
[Тимур] спросил: «Что за человек ваш пир?
Опишите мне, как он выглядит».
«Наш пир выглядит так-то и так-то», — ответили они.
Описали они своего Царя.
Сказал им Тимур: «С добром вы пришли,
Я рад исполнить все, что скажет ваш глава!»
Оказал он честь Юнли Самуду,
Сказал: «Пусть подойдет сюда, ко мне.
Пусть принесут из моего колчана (*теркеш*) стрелу,
Принесут и воткнут ее перед абдалами.
Не сломаться вовек этой стреле,
Так и я верен моему слову, это Божье право,
И каждый, кто увидит эту стрелу на границе,
Не хватит у него мужества вступить в эту страну».
Тогда пошли [слуги] и принесли ту стрелу,
Вручили ее Самудам, о, почтенный,
Взяли Самуды стрелу и пустились в путь,
Ибо та стрела была тем знаком, который он [Тимур] им дал,
Сказал [Тимур] Самуду: «Не уходи,
Еще на какое-то время останься с нами!»
Юнли Самуд принял его предложение,
Некоторое число дней он пребывал там,
Те же Самуды отнесли стрелу,
Передали ее с поклоном Султану.
Сказал он: «Идите и воткните ее теперь, детушки,
Чтобы больше на вас они не нападали».
Пойдя, воткнули жители стрелу на границе (*сынур*)³⁰,
Научили они своих детей прекрасному гюльбангу,
От врага в тот час они стали в безопасности,

30 | Неизвестно, о каком точно месте идет речь, но вероятно, что имеется в виду какой-то степной район к востоку от Сейидгази.

И Тимур повернул и ушел оттуда³¹.
О чудесных деяниях Юнли Самуда
Рассказывали Султану о каждом по очереди,
Царь был очень рад этому,
Вознеси же хвалу Мухаммеду Мустафе!
Закончилось и это чудесное деяние,
Избавь же свою душу от тревог и будь счастлив.
Услышь же еще об одном чуде,
И оно принадлежит моему Султану.
Восседал он на горе Алмалы,
Тот предводитель святых, полный милости,
Был там человек по прозвищу Иса Чакылар,
Пришли повидать Султана пятьдесят человек,
Пришло с ним вместе немало его послушников,
Послушай, какая тайна в этом кроется.
Когда подошли они близко к Султану,
Увидели они, что подбежали к Султану два волка,
Волки уже были рядом с Султаном,
Прыгали вокруг него, лизались.
Взял Султан в руку свой посох,
Погладил им спины волков,
Сказал им: «В Алтунташе³² у слепого Сатылмышы
есть два хороших быка.
Одного из них старец вам отдает,
Если вы голодны, идите и съешьте его».
Один из них ушел, второго же
Погладил он [Шуджа] еще раз по спине,
Сказал: «И ты поспешай вслед за ним,
Без твоей помощи ничего не выйдет».

Волки убежали, люди же подошли к Султану,
Поцеловали руку, поклонились ему,
Когда же они расселись, тот Царь
Неожиданно натянул свою хырку на голову.
Через час вновь он высвободил голову,
Слушай же теперь, что творит Сила.
Он сказал: «Жаль, что от жары они выбились из сил!»
Такого рода загадку им загадал.
Те люди подумали: «Что это за тайна?»
И вновь они расселись на земле.
Через час они попросили Султана:
«Если будет на то твоя воля, мы удалимся».

31 | В 1402 г. полчища Тимура заняли османскую столицу Бурсу, осадили и взяли христианский город Смирну (Измир), но затем повернули назад и покинули Анатолию.

32 | Селение Алтынташ (Алтунташ) существует до сих пор. Оно расположено примерно в 80 км западнее Сейидгази.

Султан говорит им: «Сейчас придет один братец,
Для старца он взял пять жертв[енных баранов] (*курбан*), и вот он идет.
Зарежьте тех баранов, освежите и ешьте,
Потом же, если хотите уйти, уходите».
Услышав эти слова Султана,
Стали они наблюдать, кто же придет?
Увидели, что один мóлодец на ходу гонит
Впереди себя пять баранов, о, хаджи,
Бараны же, одурев от жары, высунули языки,
И тяжело дышали, разве не жаль их?
Поняли они [люди] тогда, что вещал им Султан,
«Жаль, что от жары они выбились из сил», — говорил он.
Когда стала эта загадка ясной для них,
Султан приказал: «Немедленно нарежьте этих баранов!»
Принесли в жертву всех пятерых баранов,
Сварили их и съели в тот же час.
И вновь попросили люди разрешения уйти,
Услышь же теперь таковую весть,
Султан снова говорит им: «Немного подождите,
После жертвенного мяса разве вы не поедите закуски?
Сейчас идет сюда из Алтунташа один человек,
Несет он вьюк халвы и лепешек.
Придите, поешьте той халвы и лепешек,
А потом я разрешу вам удалиться».
Увидели, что снова идет один человек,
Несет он вьюк халвы и лепешки,
Приносит он это к дому Султана³³,
Сам же он целует его руку и садится,
Султан говорит: «Вот о ком мы вели речь,
Откушайте же, и потом я позволю вам уйти».
Поели они халвы и лепешек,
Некоторые из них ушли, некоторые остались.
Назавтра был базар в Алтунташе,
Послушай теперь, что случилось с Сатылмышем.
Пришли те два волка и съели одного из быков,
Узри же тайну святых-эвлий!
Те люди ушли [от Султана]
И на базаре вот что они услышали.
Два человека разговаривали меж собой,
Один сказал: «Смотри, каковы дела Господни,
У Сатылмышы было двое быков,
Вчера одного из них задрали два волка».
Те люди, которые приходили к Султану,

33 | Здесь впервые заходит речь о доме (эв) Султана Шуджи, так как до этого он постоянно появлялся в житии «на лоне природы».

Познали, что это — его тайное деяние,
Не ведали они прежде, что за человек Султан,
Что он дает пищу диким волкам в природе³⁴.
Тогда же Султан, сидя перед теми людьми,
Вдруг полетел и скрылся от их взоров,
Он пропал, и они не могли его видеть,
Послушай же, что за тайное деяние он сотворил.
Султан в тот миг обратился в сокола (*шахин*),
Поднялся и стал летать в воздухе перед ними,
Увидел народ, что перед ним летает сокол,
В лапе же он держит сеть и тянет ее за собой.
Сделал он один круг, другой, возвратился,
Взлетел и сел на вершину кургана.
Сказали в народе: «Пойдем, схватим его!
Подождите, придет хозяин, мы его ему отдадим».
Побежали и стар и млад вприпрыжку,
Увидели они, что на холме сидит Султан.
Он показался им в обличье сокола,
Прилетел на холм и завернулся в шубу(?) (т. е. вернул себе
человеческий вид?).
Пресвятой Султан сказал этим людям:
«Долго ли мне нужно ловить вас сетью?»
Когда они увидели святого-эвлию в таком виде,
Бросились к его ногам, с плачем простерлись.
И это чудесное деяние свершилось,
Лицо того, кто отрицает, пусть почернеет.
Вначале всего — Истинный Бог, он ни в чем не нуждается,
Возлюбленный пребывает и днем и ночью, и зимой и летом,
Сила Его сотворила человека,
Пойми же эту мудрость.
В облике человека, сотворенного из персти земной, Мустафа
(пророк Мухаммед)
Обучил народ религии, тот рудник чистоты,
То высшее из творений (*знам*) — Любимый Аллахом,
Его душе вознесем сто тысяч молитв и приветствий.
Он — тайна Али Муртазы, сын царя Хорасана,
Покровитель старцев и глава над вождями святых.

*Право сего нищего униженного Дервиша Мухаммеда (Мехмеда)
ибн Баттала, да простит его Аллах. Окончание.*

34 | Ср. многочисленные поверья кавказских народов о Св. Георгии как о покровителе волков и обряд жертвоприношения быка в день Св. Георгия (6 мая).